

УЭЙД ОУЭН

Алина Сулейманова

Алина Сулейманова

Уэйд Оуэн

<https://litres.ru/74516134>

SelfPub; 2026

Аннотация

Год 2087. Реальный мир стал серым и унылым — люди давно живут не в нём, а в виртуальности. Самая грандиозная игра в истории человечества, «Звездолёт», созданная гением-затворником Джеймсом Холлидеем, стала для миллиардов не развлечением, а единственным способом чувствовать себя живыми. Но Холлидей умер пять лет назад, оставив завещание: тот, кто найдёт Ключ Звёзд, получит его состояние и контроль над игрой.

Семнадцатилетний Уэйд Оуэн — один из миллионов охотников. У него нет ни денег, ни связей, ни нормального шлема виртуальной реальности. Есть только старый терминал, упрямыство и картридж, случайно найденный в ящике с вещами покойной матери. Картридж, на котором рукой матери написано: «Для Уэйда. Когда придёт время».

Алина Сулейманова

Уэйд Оуэн

Глава 1. Стекланный гроб

Год 2087.

Мир, который когда-то назывался Землёй, теперь больше походил на гигантский улей — живой, гудящий, опутанный сетями данных и неоновыми огнями мегаполисов. С высоты орбитальных станций он выглядел как раскалённая микросхема: миллиарды огней, миллиарды связей, миллиарды жизней, слитых в один пульсирующий организм. Города росли вверх и вниз одновременно — вверх небоскрёбами, пронзающими смог, вниз подземными уровнями, где никогда не бывало солнца. Между ними сновали дроны-курьеры, потоки магнитных поездов и бесконечные рекламные голограммы, выкрикивающие названия корпораций, которых никто уже не запоминал.

А реальный мир тем временем становился серым. Унылым. Плоским. Люди существовали в нём — ели, спали, дышали очищенным воздухом, ходили на работу, которую всё чаще выполняли машины, — но по-настоящему жили только в виртуальности. Там были цвета, там были приключения, там были миры, которые кто-то придумал лучше, чем тот, что достался им по наследству. Реальность превратилась в очередь за входом в лучшую жизнь.

Уэйд Оуэн, семнадцатилетний парень с копной тёмных волос и глазами, в которых отражалась бесконечная усталость, сидел в своей крошечной квартире на окраине Колумбус-Сити. Точнее, в «стеклянном гробу» — так называли эти жилые блоки, где стены были настолько тонкими, что можно было слышать дыхание соседей. А иногда — и их сны, если те говорили во сне. Уэйд давно научился различать звуки: вот кашляет старик из блока 12-Б, вот ругается на что-то женщина из 12-Г, вот чей-то ребёнок плачет, потому что ему запретили заходить в игру до утра. Стены не защищали ни от звука, ни от запаха, ни от чужой жизни. Они лишь обозначали границы, которые никто не уважал.

Его мир состоял из четырёх стен, старого терминала и мечты. Мечты о чём-то большем.

Мечты, которая жгла изнутри и не давала спать.

— Уэйд, ты опять не спал всю ночь? — раздался голос из динамика.

Это была Элис, его единственная подруга, с которой он познакомился в виртуальной школе. Она никогда не видела его лица — только аватар, который он собрал из бесплатных деталей, — и всё равно знала его лучше, чем кто-либо в реальном мире. Иногда Уэйд думал, что это и есть настоящая дружба: не та, что зависит от расстояния и обстоятельств, а та, что держится на голосе в темноте.

— Спал, — соврал он, протирая глаза. — Просто... думал.

— О чём? О «Звездолёте»?

Уэйд усмехнулся. О чём ещё он мог думать?

«Звездолёт» — самая грандиозная игра в истории человечества. Созданная гением-затворником Джеймсом Холлидеем, она стала не просто игрой, а культурным феноменом, религией для одних и проклятием для других. Миллиарды людей по всему миру — от подростков в стеклянных гробах до корпоративных аналитиков в башнях из хрома — искали пасхалку, спрятанную в недрах виртуального мира, — ключ к огромному состоянию и контролю над самой игрой. Ключ, который должен был открыть нечто большее, чем просто сундук с деньгами.

Но Холлидей умер пять лет назад, оставив после себя завещание, которое изменило всё.

Уэйд помнил тот день. Ему было двенадцать. Он смотрел трансляцию на старом экране, стоявшем в общей комнате их тогдашнего блока, и не понимал половины слов. Но он запомнил голос Холлидея — тихий, чуть насмешливый, как у человека, который знает что-то, чего не знают остальные.

«Тому, кто найдёт Ключ Звёзд, я оставлю своё состояние и контроль над "Звездолётом". Но это будет не просто игра. Это будет путешествие, которое проверит всё, что вы знаете, и всё, во что вы верите».

С тех пор миллионы игроков — «охотников» — посвятили свои жизни поискам. Они объединялись в кланы, строили теории, тратили годы на расшифровку отсылок к поп-культуре восьмидесятых, которые Холлидей любил больше все-

го. Они умирали в виртуальных мирах, чтобы возродиться и снова искать. Но прошло пять лет, а Ключ так и не был найден. Никто не знал, где он спрятан. Никто не знал, что именно нужно искать.

Уэйд был одним из этих охотников. Точнее, одним из миллионов неудачников, которые даже не могли позволить себе нормальный шлем виртуальной реальности. У него был старый «Окулус» третьего поколения, который работал через раз, и нейроинтерфейс, который иногда давал сбои — в самые неподходящие моменты, когда нужно было бежать, драться или просто удержаться в седле. Иногда после долгих сессий у него шла кровь из носа, и он вытирал её рукавом, потому что салфетки закончились ещё в прошлом месяце.

Он не был гением. Не был богат. Не был знаменит.

Но у него была одна вещь, которой не было у других.

Картридж.

Уэйд не знал, откуда он взялся. Он нашёл его в коробке старых вещей, которые остались после переезда, — среди сломанных зарядок, пыльных кабелей и диска с надписью «Не читать». Картридж был маленький, тяжёлый, с потёртой наклейкой, на которой почти ничего нельзя было разобрать. Только три буквы: **Н.А.Л.** И дату, выцветшую до почти полной невидимости.

Он не знал, что это значит. Он не знал, зачем он ему. Но когда он вставил его в терминал, экран на секунду мигнул — и в самом низу, в системном логге, появилась строчка, кото-

рой там быть не должно было:

«Добро пожаловать, игрок. Ты нашёл то, что искал. Или то, что искало тебя».

С тех пор Уэйд не спал по ночам.

Он искал.

Глава 2. Наследие

Картридж лежал в старом ящике — том самом, что стоял в углу и годами собирал пыль, будто его специально оставили там, чтобы однажды кто-то до него добрался. Средихлама, который остался от покойной матери: сломанные часы, катушка провода, пожелтевшая фотография, на которой было видно только чью-то руку, и десяток вещей, о назначении которых Уэйд уже не мог догадаться. Он нашёл его случайно, когда искал зарядное устройство для своего терминала, — и в первые секунды даже не понял, что держит в руках. Это был старый чип, покрытый пылью, тяжёлый, как будто внутри него пряталось что-то большее, чем микросхема. На корпусе, аккуратным почерком, который Уэйд узнал бы из тысячи, было написано от руки: «Для Уэйда. Когда придёт время».

Он замер. Пальцы сами сжались вокруг холодного металла. Мать умерла, когда ему было девять, и всё, что от неё осталось, умещалось в этот ящик — а теперь ещё и в маленький чип, о существовании которого он не знал. «Когда при-

дёт время» — что это могло значить? Какое время? Для чего?

Он не знал, что это значит.

Но когда вставил картридж в свой терминал, экран вспыхнул — резко, как будто старый аппарат на секунду вспомнил, что когда-то был новым. По экрану поползли строки, которых не должно было быть ни в одной системе: пароли, которых он не вводил, коды, которых не существовало. А потом всё исчезло, и осталось только сообщение.

«Добро пожаловать в архив Джеймса Холлидея. Если вы читаете это, значит, вы — один из избранных. Я спрятал первый ключ в месте, которое вы знаете лучше всего. Найдите его. И помните: реальность — это иллюзия, но иллюзия — это реальность».

Уйд перечитал сообщение три раза. Потом ещё три. Слова не менялись, не исчезали, не превращались в шутку или глюк. Его сердце колотилось так громко, что он был уверен — соседи слышат. Старик из 12-Б наверняка уже приложил ухо к стене. Женщина из 12-Г, может быть, даже перестала ругаться.

Он откинулся на спинку стула, и в голове пронеслась одна мысль, которую он тут же попытался отогнать: это не могло быть совпадением. Картридж. Архив Холлидея. Слова, написанные рукой матери. Всё сходилось в одной точке, и точка эта была слишком яркой, чтобы её игнорировать.

— Элис, — прошептал он в динамик. — Ты не пове-

ришь...

— Что случилось? — её голос сразу стал собранным, как будто она почувствовала что-то в его дыхании.

— Я нашёл... Я думаю, я нашёл первую подсказку.

Тишина в динамике длилась целую минуту. Уэйд успел услышать, как где-то далеко, за стеной, ребёнок снова заплакал, и как старик из 12-Б закашлялся — два звука, которые обычно сливались в один фон, а сейчас казались оглушительными.

— Ты серьёзно? — наконец спросила Элис. — Уэйд, это... это может быть подделка. Или ловушка. Люди годами ищут хоть что-то, а тут — картридж в ящике? Слишком просто. Слишком... удобно.

— Может быть. Но что, если нет?

Он смотрел на экран, где медленно вращался логотип «Звездолёта» — стилизованная галактика, в центре которой пульсировала яркая звезда. Она разгоралась и гасла, разгоралась и гасла, как будто ждала ответа. Как будто спрашивала: ты готов?

— Я должен попробовать, — сказал он. — Я не могу больше сидеть здесь и смотреть, как мир проходит мимо. Я не могу быть одним из тех, кто просто существует.

— Тогда я с тобой, — ответила Элис. — Что бы это ни было.

Уэйд закрыл глаза. Где-то в глубине терминала тихо гудел вентилятор, и этот звук вдруг показался ему похожим

на дыхание — ровное, терпеливое, чужое. Он открыл глаза, посмотрел на картридж, лежащий рядом с клавиатурой, и впервые за долгое время почувствовал, что стоит на пороге чего-то, что больше его самого.

— Тогда начнём, — сказал он.

И в этот момент логотип на экране замер.

Глава 3. Школа

Первая подсказка привела Уэйда в «Школу» — виртуальное пространство, где дети и подростки учились, общались и играли. Оно было одним из самых популярных мест в «Звездолёте»: сюда заходили не ради приключений, а ради привычки, ради ощущения, что жизнь всё ещё состоит из чего-то простого — уроков, перемен, случайных разговоров в коридоре. Именно поэтому никто не искал там подсказки. Слишком очевидно. Слишком буднично. Охотники привыкли к тёмным лабиринтам, заброшенным станциям, зашифрованным посланиям в глубинах кода — но не к партам и школьным доскам.

«Место, которое вы знаете лучше всего», — вспомнил Уэйд слова Холлидея.

Конечно. Школа.

Он вошёл в виртуальный класс — точную копию его реальной школы, только без запаха пота и дешёвого дезодоранта. Здесь не было скрипучих стульев, не было пятен на потолке, не было гула вентиляции, который в реальности за-

менял тишину. Всё было чистым, ровным, правильным — и от этого чужим. За партами сидели аватары других игроков: кто-то болтал, кто-то смеялся, кто-то рисовал на полях виртуальных тетрадей. Никто не обращал внимания на странно-го парня в старомодной одежде, который вошёл и остановился у входа, будто искал что-то среди чужих лиц.

Уэйд подошёл к своей парте — той самой, за которой он сидел в реальности. Провёл рукой по поверхности. Ничего. Ни царапины, ни надписи, ни тайного знака. Только гладкий пластик, отражающий свет виртуальных ламп.

Тогда он сел. Закрыв глаза. И вспомнил.

В детстве мама часто говорила ему: «Уэйд, самое важное всегда спрятано на виду. Нужно только знать, куда смотреть». Она говорила это, когда он терял ключи, когда не мог найти нужную страницу в книге, когда сдавался слишком рано. Тогда это казалось просто словами. Теперь — инструкцией.

Он открыл глаза и посмотрел на доску. На ней был написан текст — обычное расписание уроков, ровные строки, знакомые предметы, ничего не значащие цифры. Но если читать только первые буквы каждого слова...

«Т. Р. И. К. С. Т. А. Л. Л. И. Т. Ы.»

Три стал литы. Три стал литы.

— Три кристалла, — прошептал Уэйд. — Нужно найти три кристалла.

Он вскочил с места, и стул отлетел назад с глухим сту-

ком, которого в виртуальности не должно было быть. За спиной раздался голос учителя-аватара — ровный, вежливый, запрограммированный:

— Мистер Оуэн! Куда вы?

Но Уэйд уже не слышал. Он бежал по коридорам виртуальной школы, мимо закрытых дверей, мимо аватаров, которые оборачивались ему вслед, мимо окон, за которыми был нарисован солнечный день, никогда не существовавший. Он бежал, и в его голове звучал голос Холлидея — тихий, чуть насмешливый, как тогда, пять лет назад:

«Игра началась».

Глава 4. Кристалл Прошлого

Три кристалла.

Уэйд знал, что это значит — он читал «Завещание Холлидея» сотни раз, заучил его наизусть так, как другие заучивают молитвы или стихи. В нём говорилось о трёх артефактах, которые нужно собрать, чтобы получить Ключ Звёзд: Кристалл Прошлого, Кристалл Настоящего и Кристалл Будущего. Каждый из них был не просто предметом — каждый был испытанием. Холлидей не собирался отдавать своё наследие тому, кто просто быстрее бежит или лучше стреляет. Он хотел найти того, кто способен понять.

Но где их искать?

Он вернулся в свою квартиру — в стеклянный гроб, который вдруг показался ещё теснее, чем раньше. Стены давили.

Соседи за ними дышали, кашляли, жили своей маленькой жизнью, не подозревая, что в двух шагах от них кто-то держит в руках осколок чужого завещания. Уэйд сел за терминал и провёл остаток ночи, изучая архивы. Он пролистывал старые интервью, форумы, блоги, записи самого Холлидея — всё, что смог найти в открытом доступе. Экран светил ему в лицо бледным голубым светом, и к утру глаза начали болеть так, будто он смотрел на солнце сквозь грязное стекло.

Элис помогала ему через нейросвязь, сканируя старые форумы, блоги и записи Холлидея. Она работала молча, быстро, как человек, который знает, что времени мало, но не хочет говорить об этом вслух. Иногда она что-то бормотала себе под нос — обрывки фраз, названия файлов, имена пользователей, которые давно удалили свои аккаунты.

— Есть кое-что, — сказала она под утро.

Уэйд вздрогнул. Он успел задремать, положив голову на сложенные руки, и голос Элис выдернул его из тяжёлого, липкого сна.

— В одном из интервью Холлидей упомянул, что его любимая книга в детстве — «Волшебник страны Оз». Он говорил, что она научила его, что «нет места лучше дома».

— Дом, — повторил Уэйд.

Слово повисло в воздухе. Он смотрел на экран, где мерцала выцветшая цитата, и чувствовал, как что-то внутри него медленно поворачивается, как ключ в замке. Кристалл Прошлого... Он может быть связан с домом. С чем-то, что было

раньше. С чем-то, что осталось.

— Но чей дом? Холлидея?

— Или мой.

Уэйд замер.

Он вспомнил старую фотографию, которую мама хранила в ящике. На ней был маленький мальчик — он сам — на фоне старого дома в Огайо. Дом сгорел, когда ему было пять лет. Он помнил не сам пожар, а только его отголоски: запах дыма, который потом ещё неделю держался в одежде, чужие руки, которые несли его куда-то, и голос матери, повторяющий одно и то же слово — «всё хорошо, всё хорошо». Но воспоминание осталось. Оно жило в нём, как заноза, которую нельзя вытащить, потому что она уже стала частью тела.

Дом сгорел. Но фотография осталась. И, может быть, осталось что-то ещё.

— Элис, — сказал он медленно. — Я знаю, где искать.

Он поднял глаза от экрана и посмотрел на ящик, стоящий в углу. Тот самый ящик, где лежал картридж. Внутри, среди пыли и старых вещей, всё ещё ждала фотография — маленький кусочек прошлого, которое он почти забыл.

Глава 5. Дом

Виртуальная реконструкция его старого дома находилась в секторе «Ностальгия» — одном из самых мало посещаемых мест «Звездолёта». Здесь игроки могли воссоздать места из своего прошлого: двор, где они играли детьми, школу,

в которой учились, квартиру, которую давно потеряли. Но большинство предпочитали фантастические миры и эпические битвы — драконов, космические сражения, погони по неоновым улицам. Ностальгия была слишком тихой. Слишком личной. Она не давала адреналина, не приносила трофеев, и потому её обходили стороной. Уэйд шёл по пустым коридорам сектора, и его шаги отдавались эхом в тишине, которую никто не спешил нарушить.

Он вошёл в дом и почувствовал, как что-то сжалось в груди. Всё было точно так, как он помнил: скрипучие половицы, запах старого дерева, выцветшие обои с цветочным узором. Только запах был нарисованным — виртуальность умела обманывать зрение и слух, но не память. И всё же этого хватало. Уэйд провёл рукой по стене, и пальцы ощутили шероховатость, которой здесь не было. Он знал это. Знал, что это иллюзия. И всё равно не мог заставить себя убрать руку.

Он прошёл в свою детскую комнату. Кровать с продавленным матрасом, столик со сколом на углу, полка с книгами — теми самыми, которые мать читала ему перед сном. На полке стояла книга — «Волшебник страны Оз». Та самая. В потёртой обложке, с загнутыми уголками страниц.

Уэйд взял её. Открыл. На первой странице было написано — тем же почерком, что и на картридже:

«Уэйд, если ты это читаешь, значит, ты готов. Первый кристалл — там, где всё началось. Где ты сделал свой первый шаг. Где ты сказал своё первое слово. Где ты впервые

поверил в невозможное».

Он закрыл глаза. Первый шаг. Первое слово. Первая вера. Слова расплывались, теряли очертания, превращались в образы: мамины руки, подхватившие его на пороге, её голос, повторяющий его имя, пока он учился выговаривать слоги. Он не помнил этого. Но тело помнило. Память жила не только в голове — она жила в пальцах, в дыхании, в том, как сжималось горло при виде знакомого узора на обоях.

— Мама, — прошептал он. — Это ты.

На стене висела фотография — его мать, молодая и красивая, с младенцем на руках. Уэйд подошёл ближе. Он смотрел на её лицо так, как смотрят на что-то, что вот-вот исчезнет. За фотографией был спрятан маленький кристалл — прозрачный, как слеза, с крошечной звездой внутри. Он лежал в углублении, будто ждал всё это время, пока кто-то дойдёт до него.

Когда он взял его, комната наполнилась светом. Мягким, тёплым, похожим на утреннее солнце, которого Уэйд не видел уже много лет. И голос Холлидея произнёс — тихо, без насмешки, почти по-человечески:

«Первый кристалл найден. Но это только начало. Настоящее испытание ждёт впереди. Ищи Кристалл Настоящего. Ищи там, где время остановилось».

Свет медленно погас. Уэйд стоял в темноте, сжимая кристалл в ладони, и чувствовал, как звезда внутри него пульсирует — медленно, ровно, как второе сердце.

Глава 6. Вне игры

Уэйд вышел из «Звездолёта» только через шесть часов. Дольше, чем когда-либо. Дольше, чем позволяло его тело. Он снял шлем, и реальность обрушилась на него сразу — тусклый свет потолочной панели, гул вентиляции, чей-то кашель за стеной. Руки дрожали. Голова гудела, как будто внутри неё всё ещё крутился виртуальный мир. Кровь из носа он вытер рукавом, не глядя. Но на губах была улыбка. Первый кристалл был у него — он чувствовал его тяжесть даже здесь, в реальности, хотя знал, что это лишь память тела.

— Ты сделал это, — сказала Элис.

Её голос звучал из динамика тише обычного, как будто она тоже устала — хотя не выходила из сети ни на минуту.

— Ты действительно сделал это.

— Мы сделали, — ответил он. — Без тебя я бы не справился.

Он сказал это без вежливости, без желания утешить. Просто констатация факта. Элис молчала несколько секунд, и в этой тишине Уэйд услышал, как она улыбается.

— Что дальше?

Уэйд посмотрел на кристалл, который теперь висел на его виртуальной шее, как кулон. Даже сейчас, вне игры, он видел его внутренним зрением — прозрачный, с крошечной звездой внутри, которая пульсировала в такт его сердцу.

— Кристалл Настоящего. «Там, где время остановилось».

Это может быть что угодно.

— Может быть, часы? — предположила Элис. — Или музеев? Или старое кладбище, где...

— Или...

Он замолчал.

В его голове промелькнула мысль — безумная, невозможная, но такая правильная, что он не мог её отогнать. Она была похожа на осколок, который встал на место. На деталь, которую он искал всю жизнь, не зная, что ищет.

— Или место, где я потерял время. Где я потерял всё.

— Уэйд?

— Мне нужно кое-куда сходить, — сказал он. — В реальном мире.

Динамик молчал. За стеной старик из 12-Б снова закашлялся, и этот звук вдруг показался Уэиду оглушительным. Он посмотрел на свои руки — худые, бледные, с въевшейся грязью под ногтями. Руки человека, который годами жил в чужом мире. А теперь ему предстояло вернуться в свой.

Он встал. Колени подкосились, и он опёрся о стол, чтобы не упасть. Терминал тихо гудел, и в этом гуле ему почудилось что-то знакомое — как будто машина ждала продолжения.

Глава 7. Момент

Реальный мир встретил Уэйда серым небом и холодным ветром. Он редко выходил из своей квартиры — незачем было. В реальности не осталось ничего, что тянуло бы его на-

ружу: ни друзей, ни работы, ни места, где его ждали. Только стены, терминал и голос Элис в динамике. Но сейчас ему нужно было место, которое он избегал много лет. Место, о котором он думал каждый раз, когда закрывал глаза и не мог уснуть.

Кладбище.

Мать Уэйда умерла, когда ему было двенадцать. Рак. Быстрый и беспощадный. Он помнил больничную палату — слишком белую, слишком тихую, с окном, за которым всегда было одно и то же небо. Помнил, как сидел у её кровати, держал её за руку — худую, почти прозрачную — и слушал, как она говорит. Голос у неё был слабый, но слова — чёткими, будто она репетировала их заранее:

«Уэйд, не бойся мечтать. Мечты — это единственное, что у нас есть. И иногда они сбываются».

Он не был на её могиле с похорон. Не мог. Слишком больно. Каждый раз, когда он представлял себе этот камень, это имя, эту дату, что-то внутри него сжималось и отказывалось идти дальше. Он говорил себе, что придёт позже. Потом. Когда будет готов. Но «потом» растянулось на пять лет.

Но сейчас он шёл по аллее кладбища, вдыхая запах мокрой земли и увядших цветов. Ветер трепал его волосы, и где-то далеко, за оградой, гудели машины — мир продолжал жить, не замечая его. Уэйд шёл медленно, читая имена на камнях, и чувствовал, как с каждым шагом что-то внутри него тяжелеет. Нашёл могилу — скромный камень с надпи-

сю «Сара Оуэн. Любящая мать. 2050–2062». Буквы были выбиты ровно, аккуратно, как будто кто-то хотел, чтобы всё было правильно. Рядом лежали цветы — сухие, старые, но всё ещё цветы. Кто-то приходил сюда. Уэйд не знал кто. Может быть, соседка. Может быть, кто-то из больницы.

Он опустился на колени. Положил руку на камень. Камень был холодным, шершавым, и в этой шершавости было что-то честное — как будто он говорил: я здесь, я настоящий, я ждал.

— Привет, мам, — прошептал он. — Прости, что так долго.

Ветер усилился. Уэйд закрыл глаза. И почувствовал, как что-то тёплое коснулось его ладони.

Он открыл глаза. На камне лежал кристалл — голубой, как небо, с крошечной песчинкой внутри. Песчинкой, которая двигалась. Медленно, плавно, как будто внутри неё шло время — своё, отдельное, не похожее ни на что.

Кристалл Настоящего.

«Время не останавливается, — прозвучал голос Холлидея. — Но моменты — да. Этот кристалл — момент. Твой момент. Возьми его и помни: настоящее — это всё, что у тебя есть».

Уэйд взял кристалл. Слезы текли по его щекам, но он улыбался. Впервые за долгое время он не пытался их сдержать. Он стоял на коленях перед камнем, сжимая в ладони голубой кристалл, и чувствовал, как песчинка внутри продолжа-

ет двигаться — ровно, спокойно, без спешки.

— Спасибо, мам, — сказал он. — Я не подведу.

Он поднялся. Ветер стих. Где-то за оградой по-прежнему гудели машины, и небо оставалось серым, но теперь это не имело значения.

Глава 8. Выбор

Два кристалла.

Один — прозрачный, с крошечной звездой внутри, найденный в доме, которого больше нет. Второй — голубой, как небо, с песчинкой, которая двигалась, найденный на камне, к которому он не решался подойти пять лет. Уэйд носил их с собой — не в реальности, а в виртуальности, где они висели на его шее, как два сердца, бьющихся в разном ритме. Остался последний.

Кристалл Будущего. Где его искать?

Он вернулся домой и снова погрузился в «Звездолёт». Шлем надевался тяжелее, чем раньше, как будто тело сопротивлялось тому, что душа уже решила. Он искал подсказки, изучал архивы, разговаривал с другими охотниками — теми, кто ещё не сдался, кто годами копался в старых кодах и чужих теориях. Он спрашивал в чатах, на форумах, в кланах, где собирались такие же, как он, — уставшие, но не сломленные. Но никто не знал, где может быть третий кристалл. Одни говорили, что его не существует. Другие — что он спрятан так глубоко, что до него не добраться никому. Третьи

просто смеялись и предлагали продать первые два, пока есть возможность.

— Может быть, его вообще не существует, — сказала Элис.

Она говорила тихо, осторожно, как человек, который боится произнести вслух то, о чём думает уже давно.

— Может быть, это ловушка. Холлидей умер пять лет назад. Может быть, всё это — просто игра, которая никогда не закончится. Может быть, он хотел, чтобы мы искали вечно.

— Нет, — ответил Уэйд.

Он сказал это без колебаний. Без злости. Просто как факт, который он знал так же точно, как собственное имя.

— Холлидей не стал бы врать. Он был... особенным.

— Что ты имеешь в виду?

Уэйд молчал. Он смотрел на два кристалла, висящих на его груди, и пытался найти слова, которые не звучали бы глупо. Он не был оратором. Не умел говорить красиво. Но он чувствовал это — где-то глубоко, там, где не было ни логики, ни доказательств.

— Он верил в людей. В то, что мы можем быть лучше. «Звездолёт» — это не просто игра. Это его послание миру. Он не хотел денег. Не хотел славы. Он хотел, чтобы кто-то понял, что он хотел сказать.

Уэйд замолчал.

В его голове звучали слова из завещания — те самые, которые он читал сотни раз, но которые только сейчас начали

обретать смысл:

«Я создал "Звездолёт", потому что реальность меня разочаровала. Но я не потерял надежду. Я верю, что где-то есть человек, который поймёт меня. Который увидит то, что видел я. Который поверит в невозможное».

Он закрыл глаза. Два кристалла пульсировали в такт его дыханию. Первый — медленно, как воспоминание. Второй — ровно, как момент. А третьего не было. И, может быть, не должно было быть. Может быть, его нельзя найти, потому что его нельзя потрогать. Может быть, его нельзя взять в руки, потому что он не вещь.

— Элис, — сказал Уэйд.

Он открыл глаза.

— А что, если Кристалл Будущего — это не предмет?

— А что?

Тишина в динамике стала плотной, как вода. Уэйд чувствовал, как где-то за стеной старик из 12-Б заворочался во сне, и как терминал тихо гудит, и как два кристалла на его шее ждут ответа.

— Что, если это... выбор?

Он произнёс это слово, и оно повисло в воздухе — простое, короткое, но такое тяжёлое, что Уэйд почувствовал его вес на плечах.

Глава 9. Ключ

Он понял это внезапно, как озарение — то самое чувство,

когда разрозненные куски головоломки вдруг складываются в одну картину, и ты не понимаешь, почему не видел этого раньше. Кристалл Будущего не нужно искать. Его нельзя найти, потому что его ещё нет. Его нужно создать.

Уэйд вернулся в виртуальную школу. В тот самый класс, где всё началось. Коридоры были пусты — занятий не шло, аватары разошлись по другим мирам, и только эхо его шагов сопровождало его до двери. Он вошёл. Сел за парту — ту самую, за которой когда-то читал первые буквы на доске. Закрыв глаза.

И начал писать.

Он писал о своей жизни. О матери — о её руках, о её голосе, о том, как она говорила ему не бояться мечтать. О мечтах, которые он прятал даже от себя. О страхах — о том, что он никто, что он ничего не добьётся, что мир так и останется серым, а он — одним из миллионов, кто просто существовал. О надежде, которая вопреки всему не умирала. Он писал о мире, который хотел бы видеть — мире, где люди не прячутся в виртуальности, а живут. По-настоящему живут. Где небо не серое, где есть запах дождя, где можно смотреть друг другу в глаза и не бояться.

Он писал долго. Слова шли сами, без усилий, как будто всё это время ждали, когда их выпустят. Он не думал о том, правильно ли пишет, красиво ли звучит. Он просто писал.

Когда он закончил, экран перед ним вспыхнул. Свет был ярче, чем всё, что он видел раньше, — не голубой, не белый,

а тёплый, золотой, как солнце, которого он почти не помнил. И появился третий кристалл — золотой, сияющий, как солнце.

«Кристалл Будущего — это не то, что ты найдёшь, — произнёс голос Холлидея. — Это то, что ты создашь. Ты прошёл испытание, Уэйд. Ты доказал, что достоин».

Три кристалла соединились в его руках — прозрачный, голубой и золотой. Они сплавились в один, образовав ключ — Ключ Звёзд. Он был тёплым. Он был живым. Уэйд сжимал его в ладони и чувствовал, как что-то внутри него меняется — тихо, необратимо, как будто дверь, о которой он даже не подозревал, начала открываться.

И перед Уэйдом открылась дверь.

Она была не в стене класса, не в виртуальном пространстве, не в коде. Она была везде — в свете, в тишине, в самом воздухе. Уэйд сделал шаг вперёд.

Глава 10. Комната со звёздами

Дверь была сделана из света. Чистого, белого, ослепительного света — не такого, какой бывает в виртуальных мирах, где всё нарисовано и просчитано, а такого, какой, казалось, существовал сам по себе. Уэйд стоял перед ней, не решаясь войти. Ключ Звёзд всё ещё сжимал его ладонь — тёплый, живой, как будто ждал вместе с ним.

— Что там? — спросила Элис.

Её голос звучал глухо, будто шёл через толщу воды. Уэйд

понял, что связь слабеет — здесь, на пороге, за которым не было ни кода, ни серверов, ни привычных правил.

— Не знаю, — ответил он. — Но, наверное, пора узнать. Он шагнул вперёд.

И оказался в комнате. Маленькой, тёмной, с одним окном. За окном были звёзды — не нарисованные, не смоделированные, а настоящие: холодные, далёкие, бесконечные. Они не двигались, не мерцали по команде, не подчинялись чьей-то воле. Они просто были. Уэйд смотрел на них и чувствовал, как что-то в груди сжимается — не от страха, а от чего-то большего, чему он не мог найти названия.

В центре комнаты стоял стол. Простой, деревянный, с царапинами на поверхности. За столом сидел человек.

Джеймс Холлидей.

Он выглядел точно так, как на старых фотографиях: худой, бледный, с глазами, в которых горел огонь безумного гения. Но это был не настоящий Холлидей — он умер пять лет назад. Это была его цифровая копия, его аватар, его эхо, оставленное в сети, как послание в бутылке.

— Привет, Уэйд, — сказал Холлидей.

Голос у него был спокойный, чуть насмешливый — тот самый голос, который Уэйд помнил с двенадцати лет.

— Я ждал тебя.

Глава 11. То, что осталось

Уэйд не мог говорить. Слова застряли где-то в горле, и

он просто стоял и смотрел — на человека, которого знал по фотографиям, по интервью, по завещанию, которое заучил наизусть. Холлидей выглядел спокойным. Слишком спокойным для того, кто умер пять лет назад.

— Садись, — Холлидей указал на стул. — У нас много времени.

Уэйд сел. Его руки дрожали — мелко, противно, как будто тело отделилось от него и жило своей жизнью. Стул скрипнул под ним, и этот звук показался оглушительным в тишине комнаты, где не было ни ветра, ни гула машин, ни чужих голосов за стеной.

— Ты... ты настоящий?

— Настолько, насколько может быть настоящей цифровая копия, — улыбнулся Холлидей. — Я — это я, но не совсем. Я — то, что я оставил после себя.

Он говорил легко, без горечи. Как человек, который давно смирился с тем, чем стал.

— Зачем? Зачем всё это? Игра, кристаллы, поиски?

Холлидей помолчал. Он смотрел на Уэйда так, как смотрят на человека, которого ждали дольше, чем рассчитывали. Потом сказал:

— Потому что я боялся.

— Чего?

— Того, что после меня ничего не останется. Что я прожил жизнь зря. Что моя игра умрёт вместе со мной. Что всё, что я создал, — это просто код, который однажды отключат.

Он встал и подошёл к окну. Звёзды за стеклом не двигались — они просто были, холодные и бесконечные, и от их вида становилось ясно, как мало значит всё, что происходит здесь, в этой маленькой комнате.

— Я создал «Звездолёт», потому что реальность была слишком жестокой. Я хотел создать мир, где всё возможно. Где нет боли, нет смерти, нет одиночества. Где каждый может быть кем угодно. Но я ошибался.

— Почему?

Уэйд задал этот вопрос тихо, но он прозвучал громче, чем он ожидал. Холлидей не обернулся. Он смотрел на звёзды.

— Потому что я создал не мир. Я создал побег. Люди уходили в «Звездолёт», чтобы спрятаться от реальности. Но реальность — это не враг. Это жизнь. Её нельзя обойти. Её можно только прожить.

Он повернулся к Уэйду. Глаза у него были усталые — как у человека, который слишком долго нёс что-то тяжёлое и наконец решил поставить это на землю.

— Ты нашёл кристаллы не потому, что был умнее других. А потому, что был честнее. Ты не прятался от прошлого. Ты принял настоящее. И ты создал будущее.

Холлидей замолчал. В комнате стало тихо — так тихо, что Уэйд слышал, как бьётся его собственное сердце.

Глава 12. То, что остаётся после

— Что теперь? — спросил Уэйд.

Голос прозвучал глухо, как будто шёл не из горла, а откуда-то из глубины — из того места, где заканчиваются слова и начинается страх. Он не знал, что услышит в ответ. Не знал, готов ли вообще к ответу.

— Теперь ты выбираешь, — ответил Холлидей.

Он стоял у окна, и звёзды за его спиной казались ближе, чем были на самом деле. Может быть, это была иллюзия. Может быть, здесь всё было иллюзией. Но голос звучал твёрдо.

— Я оставляю тебе «Звездолёт». Ты можешь делать с ним всё, что захочешь. Но помни: это не игрушка. Это ответственность.

Уэйд молчал. Слова Холлидея падали на него медленно, как камни в воду, и каждый оставлял круг. Мир, который он знал, мир, в котором он прятался, мир, который казался ему спасением, — всё это теперь лежало на его плечах. Он не просил об этом. Не готовился. Не мечтал.

— Я не хочу быть богом, — сказал он.

Он сказал это тихо, без пафоса, без желания выглядеть скромным. Просто правду.

— Я просто хочу...

— Чего?

Уэйд посмотрел на свои руки. Они больше не дрожали. Кристаллы — все три — растворились в нём, как будто нашли своё место. Он не чувствовал их тяжести. Чувствовал только тепло.

— Жить. По-настоящему.

Холлидей улыбнулся. Впервые за всё время — искренне. Не той насмешливой улыбкой человека, который знает больше, чем говорит, а той, что бывает у людей, которые наконец услышали то, что ждали.

— Тогда ты понял главное, — сказал он. — «Звездолёт» — это не мир. Это инструмент. Используй его, чтобы сделать реальность лучше. Не заменяй её.

Он протянул руку. Уэйд пожал её — и почувствовал, что рука тёплая. Не цифровая. Не нарисованная. Просто тёплая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.